

УДК/UDC 141.1

Криптография философского текста и проблема «чтения философии»

Еникеев Анатолий Анатольевич

кандидат философских наук, доцент ВАК, доцент кафедры философии

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: rizoma69@yandex.ru

SPIN-код: 3969-6556

Аннотация

Статья посвящена обсуждению актуальной проблемы современного философского дискурса — криптографии философского текста. Постулируется идея того, что как классические, так и современные философские тексты герметичны, то есть закрыты для понимания и потому требуют расшифровки и интерпретации. Анализируются подходы к криптографии философского текста со стороны современных отечественных аналитиков, делается предварительный вывод о недостаточности имеющихся аналитических процедур для понимания природы философского текста. В качестве альтернативы предлагается концепция «чтения философии» В. Бибихина, в которой он, опираясь на онтологический подход к языку, говорит о событии философской мысли. Чтение философии — это рождение события философской мысли в первую очередь, а уже потом конкретный философский текст, за которым стоит некая идея. По мнению автора, такой подход к пониманию природы философского текста позволяет значительно расширить аналитический арсенал современного философского дискурса. Делается вывод, что будущее философии во многом определяется корректностью криптографической расшифровки предшествующей традиции и способности современных философов читать философию как событие мысли.

Ключевые слова: криптография, философский текст, герменевтика, топология, чтение философии.

Cryptography of Philosophical Text and the Problem of “Reading Philosophy”

Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich

Candidate of Philosophy, VAK assistant professor, assistant professor of the Department of Philosophy

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: rizoma69@yandex.ru

SPIN Code: 3969-6556

Abstract

The article is devoted to the discussion of the actual problem of the modern philosophical discourse — cryptography of the philosophical text. The idea is postulated that both classical and modern philosophical texts are hermetic, that is closed for understanding and therefore require decoding and interpretation. The approaches to the cryptography of the philosophical text on the part of modern Russian analysts are analysed, a preliminary conclusion is made about the insufficiency of the available analytical procedures for understanding the nature of the philosophical text. As an alternative, the concept of “reading philosophy” is proposed by V. Bibikhin who, relying on the ontological approach to language, tells about the event philosophy. Reading philosophy is the birth of an event of philosophical thought, and first of all, and only then a specific philosophical text, behind which there is a certain idea. According to the author, this approach to understanding the nature of the philosophical text can significantly expand the analytical arsenal of modern philosophical discourse. It is concluded that the future of philosophy is largely determined by the correctness of cryptographic interpretation of the previous tradition and the ability of modern philosophers to read philosophy as an event of thought.

Key words: cryptography, philosophical text, hermeneutics, topology, reading philosophy.

Представление о философском тексте в современном гуманитарном дискурсе динамично развивается. Характерно, что если тридцать лет назад актуальным было говорить о связи между философским и литературным дискурсом, то сегодня востребованными оказываются ис-

следования о криптографии философского текста. То есть намечается вполне очевидное смещение проблематики от поэтики к прагматике философского текста. Также следует отметить, что отечественные исследователи сумели преодолеть диктатуру «западного канона» и не просто воспроизводят линии мысли аналитической философии, постмодернизма или семиотики (как это было двадцать-тридцать лет назад), но порождают относительно независимый и самостоятельный философский дискурс, обладающий немалым эвристическим потенциалом [1].

Отечественный исследователь Ирина Дуденкова, описывая «конспирологический» крен в понимании философского текста сегодня говорит о том, что «... гуманитарные и социальные науки наконец всерьез оценили масштабы и значение конспирологических способов объяснения реальности» [2, с. 25]. Это связано с дальнейшим развитием того, что получило название «герменевтика подозрения», поскольку социальные и гуманитарные науки «... оказались зажаты в ловушке между феноменологическим описанием и критикой. Это требует значительной философской работы по прояснению самого понятия объяснения» [2, с. 26]. Решение проблемы, по мнению Дуденковой, заключается в четком разграничении полномочий между спекулятивным реализмом и криптоанализом в понимании самой сути философской работы и значения философского текста сегодня. «Если общей для спекулятивного реализма и объектно-ориентированных онтологий является критика корреляции, постулата о соответствии мышления и мира, аксиоматически определенной области мыслимого как феноменального, то криптоанализ и криптография суть названия снова актуализированной философской деятельности по установлению различия и баланса между открытым и закрытым, явленным и неявным» [2, с. 26].

Поэтому такие традиционные для философии науки метафоры, как проблема, парадокс, аномалия, которые раньше описывали состояние своеобразного «замешательства философии» [3], теперь замещаются понятием «тайна», которое в свою очередь включает всю конспирологическую логику и метафорику объяснения и описания. Продуктивность

тайны как метафоры философской работы с реальностью заключается в том, что она более корректно позволяет понять процесс «приоткрывания истины» (алетейя), о котором говорили древние греки и, например, Мартин Хайдеггер. Ничто не является открытым или закрытым в подлинном смысле слова, но всегда имеет место (топологически обусловленное) приоткрывание завесы, разоблачение некоторого положения вещей или события. В этом смысле криптография философского текста приобретает свое подлинное звучание в качестве философского метода, позволяющего перераспределить «...устоявшиеся ставки континентальной философии» [2, с. 27].

Далее в своей статье И. Дуденкова описывает некоторые конспирологические стратегии работы с философским текстом у Хайдеггера, Деррида и Мейясу. Остановимся только на первом из названных философов. Мартин Хайдеггер действительно оказался ключевой фигурой для континентальной философии XX века, тем игроком, который сделал наиболее значительную ставку в философской игре. Не случайно размер этой ставки и ее подлинное значение до сих пор являются предметом самого тщательного разбирательства в современной философии [4]. На наш взгляд значимость «дела Хайдеггера» во многом определяется не столько его амбициозным проектом обоснования «конца западной метафизики» и разоблачения «логики сущего» в устройстве технической составляющей западной цивилизации [5], сколько герметичностью собственных текстов. Современных исследователей пугает не столько необходимость освоения сотни томов наследия немецкого мыслителя на языке оригинала, сколько принципиальная невозможность его однозначного перевода и интерпретации. Любое чтение Хайдеггера с неизбежностью превращается в опыт переписывания и переоткрытия заложенных в его тексте смыслов. В этой связи можно согласиться с Дуденковой, когда она говорит о том, что «...Хайдеггер рассматривает свой текст как инструмент взлома, ключ, позволяющий перейти от открытого и доступного дискурсивного порядка к другому, закрытому, упакованному, недоступному» [2, с. 31]. Причем этим недоступным и закрытым (герметично упакованным)

является как раз текст самого Хайдеггера, требующий работы развертывания, распаковывания и герменевтической интерпретации. Это одна из главных особенностей конспирологической стратегии текстов Хайдеггера, она беспокоит современных исследователей его творчества и требует ответных мер со стороны исследователей и расследователей «дела Хайдеггера».

Не ограничиваясь Хайдеггером, можно сказать, что практически все значимые континентальные философы XX века так или иначе склонялись к конспирологическим формам ангажирования собственного дискурса. Об этом, хоть и косвенно, говорит другой отечественный исследователь и переводчик Дмитрий Кралечкин, делая акцент на сложную работу чтения данных мыслителей. «Результат такой работы должен подтверждать себя, скорее, риторически, то есть убеждая читателя в том, что общее — не наследие анализа и даже не родственно-генетическая черта, а, вероятнее, заговор, дело, которым заняты практически все континентальные философы в XX веке» [6, с. 95]. Способ борьбы с этим «заговором» довольно прост — сильное (или интенсивное) прочтение текстов данных философов. Такое чтение с неизбежностью рождает новый дискурс и новую интерпретацию, существенно обогащающую философскую традицию. Радикальная постановка данного вопроса может заключаться в том, что «... философия вполне может пониматься как поиск наиболее сильной дискурсивной позиции, под которую подверстывается и собственно теоретическая (или научная) деятельность» [6, с. 109].

Возможно, все философы внутри традиции, во всяком случае многие из них, требуют расшифровки и поиска специальных ключей для чтения и понимания созданных ими текстов, но не в силу намеренной зашифрованности собственных посланий, а в силу удаленности философского дискурса от пространства обыденного сознания читателя. В этом смысле, анализ поэтики философского текста позволяет топологически сближать эти два пространства: пространство мысли философа, совокупность его текстов и пространство понимания этих текстов читателем, независимо от того, имеет ли он (читатель) философский опыт

[7, 8]. Как ни странно, первым таким опытом чтения может являться и чтение учебника по философии, если авторы подходили к его формированию с точки зрения необходимости расшифровки и герменевтической интерпретации значимого содержания философской традиции [9].

Некоторые современные аналитики, отстаивая позицию «интенсивного чтения», говорят о необходимости насилия над текстами предшествующей традиции, именно в этом проявляется автономия философского дискурса современности. «По отношению к текстам мертвых философов мы можем проявить слабость, и тогда они накроют нас стеклянным куполом «сверхавторства», внутри которого верно, но безнадежно трепещет эпигонская мысль. Если мы хотим спорить с ними на равных, не остается ничего иного, как обуздать их насилием оригинального прочтения. Философия как мысль первенствующая — это силовая борьба «кто кого». Ретроспективный взгляд всегда встречает всего лишь развалины фраз на листе бумаги. Интенсифицировать что-либо можем только мы сами, отвоевывая для себя будущее, в том числе из цепких объятий континентальной мысли» [10, с. 133]. Характерное проявление этой борьбы с родоначальником континентальной философии Платоном Алексей Глухов продемонстрировал в своей нашумевшей работе «Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма» (2014).

Другую связку ключей для чтения, равно как и понимания философских текстов (в том числе, и в первую очередь, М. Хайдеггера) предлагает известный отечественный исследователь В. В. Бибахин в своих многочисленных письменных семинарах и сборниках статей. Бибахин, вслед за Хайдеггером, настаивает на том, что язык философии по своей сути ближе к языку поэзии, а не науки, и поэтому требует особой логики прочтения. «Язык философов не информация о вещах, зато он подготовка возможности того, чтобы знание о них могло складываться на последних, предельных по обоснованности основаниях. Философский текст надо считать лесами вокруг будущей постройки, а не конструкцией. Философия подобна поэзии, потому что почти столько теряет от пересказа

и так же поддается только воссозданию, и философия противоположна поэзии: верными поэту обычно бывают его поклонники, верными философу — чаще его противники, когда они смогли подняться до той же упрямой готовности упрямо остаться при первых началах» [11, с. 7]. Дело даже не в том, что философский текст носит вспомогательный характер «лесов, вокруг будущей постройки», сколько в том, что он предполагает отказ от пересказа и готовность читателя оказаться «противником» философа, его оппонентом и антагонистом, творчески переосмысливающим наследие и готовым «упрямо оставаться» при своем.

Но не следует думать, будто идея оппонирования или полемики самое важное при чтении философского текста, скорее наоборот, наша задача — позволить философу остаться самим собой, быть другим, сохранить верность своей собственной мысли. Чтение в этом смысле — это не постмодернистское разоблачение «ходов мысли» философа, а возможность заново продумать какие-то важные вещи. Бибахин следующим образом описывает эту ситуацию. «Мы похоже перемудрили с разоблачениями, обличениями, схемами, трактовками, критическими анализами. Философия закрыта для нас условиями, которые мы ей поставили. Надо вернуться от всего этого к непредвзятому чтению. То многое, что сделано в философии, мы пока еще не то что не вполне поняли, но даже не успели хотя бы бегло оглядеть... У профессионалов сложились методы обращения с «философской литературой». Мы им не завидуем. Метод включает все с мою систему... Читать, извлекая, что нам надо, мы и так всегда читали. Оставить другого другим (в обоих смыслах), такому чтению можно ли научиться?» [11, с. 7–8]

Профессиональное чтение философских текстов не способно породить ничего, кроме научного дискурса, очередной трактовки или критического анализа. «Профессиональное толкование возвращает от события к тексту и учит не выходить за его рамки. В лучшем случае оно привлечет помимо текста биографические свидетельства, воспоминания современников, т. е. тоже тексты» [11, с. 8]. И такая работа может вестись до бесконечности, не приближая нас к сути вещей ни на йоту, поскольку

ку удаляет, по мысли Бибихина, от события мысли, от события текста по поводу этой мысли или идеи. Поэтому задача чтения философских текстов в том, чтобы позволить прозвучать философскому слову, позволить состояться акту философского мышления в качестве события. В этом смысле философское слово близко и даже родственно поэтическому, поскольку требует вслушивания и вдумчивого осмысления. Отсюда истоки проблемы многообразия жанров философских текстов, их неизбежная множественность [12, 13].

Также не следует недооценивать тот «восторг» открытия нового философского слова, свежей идеи или мысли, этого подлинного события, которое возникает не часто, но однажды войдя в наше сознание надолго там остается в качестве живого источника. «Нового слова жадно ждут потому, что все прежние оказались текстами. Лексико-грамматическая цепочка сама по себе настолько не событие, что ее в захваченности делом почти не замечают, читая новую книгу сразу сквозь нее и придавая словам неучтенные смыслы. Текст и событие оказываются разными до противоположности. Текст хотят исследовать, анализировать, компьютеризировать, изучать его лексику, стилистику, поэтику тогда, когда перестали видеть событие, его размах» [11, с. 8–9]. Событийность философского текста не в том, что текст можно подробно препарировать научными методами и приемами анализа, а в том, что он (этот текст) приоткрывает такие грани бытия, которые до этого были нам недоступны, вот в этом В. Бибихин и усматривает подлинное «событие» философского слова. Не случайно он посвятил вопросу «чтения философии» отдельный курс лекций и одноименную книгу [см. 14].

Дело философии, по мысли Бибихина, в сохранении философской традиции. Однако сохранение традиции — это не только и не столько чтение и почитание созданных за многие века текстов философии, сколько возможность мышления вновь, возвращение к истокам философской мысли, каждый раз заново. Совершенно неважно откуда начнется такое возвращение, это может быть любой классический или современный текст, любой комментарий или пересказ, важно только одно — чтение

как особый вид философской деятельности. Первое, с чем сталкивается «читатель философской традиции» — это растерянность перед многообразием открывающихся путей мысли. «Растерянность, в том, что касается философского текста, наступает оттого, что философия — это очень большое богатство, которое чем больше мы к нему приглядываемся, тем оказывается больше, и мы теряемся от незнания, за что взяться, от явного неумения все охватить» [14, с.7]. Преодолеть данную растерянность можно через составление различных «путеводителей растерянных», в которых имеет смысл указать необходимые шаги, ходы размышления и понимания читаемого, но лучше позволить мысли состояться как она есть, по «путеводной нити» языка. Одним из вариантов преодоления данной растерянности можно считать «топологический» подход к пониманию философского текста [15], который стремится сориентировать читателя, определить «место» философского текста как в предшествующей традиции, так и в пространстве современного гуманитарного дискурса.

Второе, с чем сталкивается «чтение философии» — это опасение, что хранимый текст будет потерян. Бибахин говорит в этой связи об отчаянии филологов, знатоков и хранителей текста: «... хранение текста — это наше знание, опасения, что иначе мы его переиначиваем... за филологической гиперкорректностью исследователей и публикаторов философских текстов часто стоит вот это, отчаяние, что все равно неуловимое, неостановимое расползание источника мысли будет, и надо во что бы то ни стало источник защитить, сохранить» [14, с. 9–10]. Абсурдная и невозможная задача, на которую обрекают себя филологи при попытках сохранить философский текст, который живет не в печатных буквах, а в живой ткани мысли. «... Что текст по линии текста, т.е. сохранения буквы сохранить, как надеются гиперкорректные филологи, не удастся, и сохранить его может только мысль, а мысль вещь настолько верная себе, а не букве, что для сохранения того, что было в событии, которое она хочет сохранить, она должна сама стать событием» [14, с. 10]. Бибахин в этой связи соразмерен попыткам французских постструктуралистов свести проблему философского текста к проблеме автора, чтения и письма

[см. 8], но в отличие от них не гипостазирует философский текст, а делает акцент на событийность философской мысли.

Так что же такое событие философской мысли? Как оно связано с чтением и пониманием философии? «... Философское событие становится не в меньшей, а в большей мере событием, когда его не понимают. Философия не интеллектуальное дело, никто еще как следует не знает, что она за дело. Она большое дело. Событие мысли всегда остается событием и тогда, когда его никто не понял, когда все истолкования неверны» [14, с. 31]. Толкование, понимание философского текста — большая, но бесполезная работа, поскольку исходит из ложного представления, что за текстом есть нечто, что нужно понять и автор скрыл это от нас. На дешифровке и разоблачении его намерений строится так называемое «сильное чтение» в постмодерне (Ж. Деррида, П. де Ман). Такому «инструментальному» подходу следует предпочесть практику «слабого чтения», чтения как диалога с автором (М. Бахтин), когда мы отказываемся от иллюзии «правильного понимания» текста и позволяем ему состояться как событию, событию нашей собственной мысли, как подлинное «дело философии» [16].

Вот в этом смысле каждое чтение — это событие мысли и каждое чтение — это новое открытие традиции, и оно имеет право на заблуждения ума, ошибки и неполноту, на то, что Виктор Шкловский называл «энергией заблуждения». И, конечно, каждое такое чтение — это еще и письмо, то есть новый текст, являющийся знаками, путевыми заметками блуждающего и заблуждающегося мыслителя, осваивающего «метафизический ландшафт» мысли (термин Валерия Подороги). Можно согласиться поэтому с мыслью Жака Деррида, что не бывает «философского текста», есть лишь философское чтение и оно является «событием мысли», подлинным событием. «Мы снова упираемся в вопрос философского чтения: мало обратить на столе то, что считаем философскими текстами, надо еще иметь способность философского чтения» [14, с. 18]. Развитие этой способности философского чтения, а также понимание поэтики философского текста и его места в культуре и есть ключевые задачи

будущих исследований в данном направлении.

Список литературы

1. Данилова М. И., Суховерхов А. В. Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 77–87.
2. Дуденкова И. Философия как криптография // Логос. Философско-литературный журнал. 2017. № 4. Т. 27. С. 23–46.
3. Данилова М. И. Наука и философия на пути нового единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 225а–226.
4. Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; пер. под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 368 с.
5. Спасова Н. Э., Васильева А. С. Технофобия в философии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 675–691.
6. Кралечкин Д. Платон дает сдачи // Логос. Философско-литературный журнал. 2017. Т. 27. № 4. С. 87–126.
7. Еникеев А. А. Гипертекст в пространстве современного социально-гуманитарного дискурса: проблема философского обоснования // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара: ПГСГА, 2010. С. 43–46.
8. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 122. С. 867–887.
9. Философия: учебник / М. И. Данилова, Л. С. Ембулаева, В. В. Плотников и др.; отв. за выпуск М. И. Данилова. Краснодар: Новация, 2017. 410 с.
10. Глухов А. Философский реализм против догматизма школ. Ответ Дмитрию Кралечкину // Логос. Философско-литературный журнал. 2017. № 4. Т. 27. С. 127–148.
11. Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 416 с.
12. Многообразие жанров философского дискурса: коллективная монография. / отв. ред. проф. В. И. Плотников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 276 с.
13. Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4 (56) Т. 1. С. 201–207.

14. Бибихин В. В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.
15. Еникеев А. А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века (исторический экскурс и постановка проблемы) // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 34–36.
16. Еникеев А. А. Чтение как дело философии // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год: Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции преподавателей. Краснодар: КубГАУ, 2018. С. 483–484.

References

1. Danilova M. I., Sukhoverkhov A. V. Biological and Social Foundations of the Evolution of Language and Communication: Modern Discussions // Philosophy Issues. 2015. No 12. P. 77–87.
2. Dudenkova I. Philosophy as cryptography // Logos. Philosophical and Literary Magazine. 2017. No. 4. Vol. 27. P. 23–46.
3. Danilova M. I. Science and Philosophy on the Path of a New Unity // Humanitarian and Socio-Economic Sciences. 2007. No. 1 (32). P. 225a–226.
4. Heidegger, “Black Notebooks” and Russia / ed. M. Laruelle and E. Faye; translation edited by M. Mayatskiy. M.: Delo Publishing House, RANEPА, 2018. 368 p.
5. Spasova N. E., Vasilyeva A. S. Technophobia in Philosophy // Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. S. 675–691.
6. Kralachkin D. Plato Strikes Back // Logos. Philosophical and Literary Magazine. 2017. Vol. 27. No. 4. P. 87–126.
7. Yenikejev A. A. Hypertext in the Space of Modern Socio-humanitarian Discourse: the Problem of Philosophical Justification // Hypertext as an Object of Linguistic Research: Materials of the All-russian Scientific and Practical Conference With International Participation. Samara: PSSGA, 2010. P. 43–46.
8. Yenikejev A. A. The Problem of Reading and Writing in the Context of Poetics and Pragmatics of a Philosophical Text // Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2016. No. 122. S. 867–887.
9. Philosophy: A Textbook / M. I. Danilova, L. S. Yembulayeva, V. V. Plotnikov et al.; resp. for the release M. I. Danilova. Krasnodar: Novatsiya, 2017. 410 p.
10. Glukhov A. Philosophical Realism Against the Dogmatism of Schools. Answer to Dmitry Kralachkin // Logos. Philosophical and Literary Magazine. 2017. No. 4. T. 27. P. 127-148.
11. Bibikhin V.V. Word and Event. Writer and Literature. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2010. 416 p.

12. The Variety of Genres of Philosophical Discourse: A Collective Monograph / lead editor: V. I. Plotnikov. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information, 2001. 276 p.

13. Khlebnikova O. V. Classification of Genres of Philosophical Literature // Bulletin of the Kemerovo State University. 2013. No. 4 (56) Vol. 1. P. 201–207.

14. Bibikhin V. V. Reading Philosophy. St. Petersburg: Nauka, 2009. 536 s.

15. Yenikeyev A. A. Methodology of Topological Analytics in the Socio-Humanitarian Discourse of the Twentieth Century (Historical Excursion and Problem Statement) // Cultural life of the South of Russia. 2014. No. 3 (54). P. 34–36.

16. Yenikeyev A. A. Reading as a Matter of Philosophy // Results of the Research Work for 2017: Collection of Articles on the Materials of the 73rd Scientific and Practical Conference of Teachers. Krasnodar: KubSAU, 2018. P. 483–484.